

БОМБОРА Story

«Эта книга не только мемуары, но и исторический нонсенс. Это страшный жизненный опыт и вечный вопрос отношений между матерью и дочерью, который накладывает отпечаток на всю жизнь. Эта история бросает темное пятно на британское прошлое и напоминает, насколько общество бывает жестоким».

Ольга, книжный блогер, @helga.books

«Идеальная картина — это когда мы обижаемся на родителей и в конечном счете прощаем их, узнавая всю подноготную. Но не все истории заканчиваются так».

Сия, книжный блогер, @lowselfesteem

«Книга неслучайно начинается с эпитафии от Диккенса. События приобретают поистине диккенсовский масштаб. Это история двух миров: “найденшей” и “нормальных людей”. И переход из одного в другой — действие, требующее недюжинного героизма.

В этой книге захватывает не только сюжет из прошлого, о приюте для подкидышей, но и история нашего времени — отношения автора с матерью. Эта линия роднит произведение с книгами о психотерапии, что бесценно для многих читателей».

Александр Акулиничев, главный редактор Psychologies

«Болезненное, но необходимое напоминание о том, как патриархальные предрассудки и людское безразличие столетиями ломают женские судьбы и травмируют семьи на многие поколения вперед».

Татьяна Никитина, главный редактор «Горящая изба»

«Отчасти журналистское расследование, отчасти эмоциональные раскопки, эта захватывающая и душераздирающая книга раскрывает историю дочери, которая хотела понять свою токсичную мать».

*Адриенн Бродер, автор бестселлера
«Дикая игра. Моя мать, ее любовник и я»*

«Это захватывающая правдивая история о стремлении дочери узнать правду о своей матери и в процессе смириться с собственной жизнью и выбором. Она раскрывает драматическую историю жестокого обращения в детстве. Джастин Коуэн должна справиться со своими сложными чувствами к этой женщине, у которой, как она узнает, никогда не было собственного настоящего детства».

Кристина Бейкер Клайн, автор бестселлера «Поезд для сирот»

ДЖАСТИН КОУЭН

ЧУЖОЕ ИМЯ

ТАЙНА
КОРОЛЕВСКОГО ПРИЮТА
ДЛЯ ДЕТЕЙ

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва 2023

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
К73

Justine Cowan
THE SECRET LIFE OF DOROTHY SOAMES

Copyright © 2021 by Justine Cowan

Коуэн, Джастин.

К73 Чужое имя. Тайна королевского приюта для детей / Джастин Коуэн ; [перевод с английского К. А. Савельева]. — Москва : Эксмо, 2023. — 384 с. — (За закрытой дверью. У каждой семьи свои тайны).

ISBN 978-5-04-166796-2

Джастин выросла в богатой семье. Отец — добропорядочный юрист. Мать — домохозяйка, у которой все всегда идеально. Соседи восхищаются ими. Особенно матерью: ее аристократическими манерами и королевским британским акцентом. Но перед смертью родителей дочь узнает о главной семейной тайне. Тайне Дороти Сомс. Кто она такая и как связана с Джастин? Теперь дочь обязана приехать в знаменитый британский приют для детей и расследовать прошлое человека, которого она никогда не знала.

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Савельев К. А., перевод
на русский язык, 2023
© Оформление.

ISBN 978-5-04-166796-2

ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Оглавление

1. ДОРОТИ СОМС	9
2. ПРИЗРАКИ	15
3. СЕКРЕТЫ	38
4. РАЗБОР	48
5. НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫЕ	79
6. БЕГОТНЯ	87
7. ДЕНЬ ПРИЕМА	106
8. НАДЕЖДА	121
9. СТРАХ	142
10. ТОМЛЕНИЕ	176
11. ИСЦЕЛЕНИЕ	194
12. ВОЙНА И БЛОКАДА	209
13. СРЕДСТВА К СУЩЕСТВОВАНИЮ	233

Оглавление

14. ИЗБАВЛЕНИЕ	256
15. МАТЕРИ	291
16. ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ	323
17. ВОССОЕДИНЕНИЯ И РАСЧЕТЫ	339
18. ЛЮБОВЬ	364
БЛАГОДАРНОСТИ	369
ИСХОДНЫЕ МАТЕРИАЛЫ и ВЫБОРОЧНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ	371
ОБ АВТОРЕ	377
ИСТОЧНИКИ	378
ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ	382

Для того
чтобы принести великое добро,
вы имеете право
сотворить маленькое зло.

Чарльз Диккенс.
Приключения Оливера Твиста

Дороти Сомс

Я всегда знала, что у моей мамы есть некий секрет. Она тщательно охраняла его и держала под замком. Я представляла это так: есть тайная комната, скрытая в закоулках спутанного разума моей матери. Но ее секрет был слишком объемным, чтобы его можно было хранить без последствий так долго, и он постепенно просачивался наружу, как густая жижа, отравляя жизнь нашей семьи и погружая каждого ее члена во тьму.

Когда мне было девятнадцать лет, мать случайно дала мне ключ к разгадке своего прошлого, но понадобились годы, чтобы узнать больше. В конце концов я прошла по своеобразному следу из хлебных крошек, который вел через океан, и оказалась у ворот жуткой и гротескной истории. Лишь тогда я смогла познать боль целых поколений женщин, отвергнутых обществом, а также страдания тысяч невинных детей, лишенных свободы, хотя они не совершили никаких преступлений. И понемногу раскрыла семейные тайны, заставившие меня переоценить все, что я знала раньше.

Разумеется, я ничего этого не знала, когда утром раздался телефонный звонок. Я лишь понимала, что мой отец позвонил в неурочное время.

— Мне нужна помощь. Речь о твоей матери.

Его голос был громким и напряженным.

Мне было трудно сосредоточиться, пока он описывал события этого утра: моя мать вцепилась в руль своего автомобиля и гнала, вращаясь в лабиринте извилистых дорог среди холмов, а мой отец следовал за ней в таком же черном «Ягуаре», надеясь остановить ее. К счастью, он поравнялся с ней раньше, чем мать слетела с дороги.

— Она сказала, что ей нужно в больницу.

— В больницу? Она пострадала?

— Нет, — отец больше ничего не сказал, но он позвонил не ради объяснений. А я не смогла понять, куда в тот день так отчаянно пыталась доехать моя мать, пока не прошли годы после ее смерти.

— Сегодня мне нужно быть в суде.

Я хотела сказать, что *мне наплевать*, но слова застряли у меня в горле. В свои девятнадцать лет я усвоила страх предчувствия неизбежных событий.

— Опасно оставлять ее одну.

Передо мной замелькали образы. Зубчатые стеклянные осколки на восточном ковре, пиньята из папье-маше, качающаяся на дереве, сломанные куклы, разбросанные по гладкому деревянному полу. Я достала свои учебники из рюкзака и положила их на стол. Мои руки начало покалывать, пальцы онемели. Обычно у меня было больше времени, чтобы подготовиться.

Я старалась не думать о том, что меня ждет, пока ехала через Бэй-Бридж, глядя на проступающий вдали абрис города перед поворотом на юг, к Хиллсборо.

Мы покинули Сан-Франциско, когда мне было шесть лет. Мой отец жаждал избавления от сырого городского тумана, который подстегивал его клаустрофобию, а мать была более чем рада переселиться в округ с одним из самых престижных почтовых индексов в Калифорнии. На первый взгляд зажиточный район, где мы остановились, был волшебным местом для ребенка, и соседские дети бегали по широким тихим улицам. Мы ныряли в проемы живых изгородей, за которыми скрывались безупречные садики, используя разрывы в густой растительности как тайные ходы, позволявшие избегать разоблачения во время игры в прятки. На нашем углу стоял пустой особняк, куда мы залезали через незапертое окно и бегали по просторным залам с раскинутыми руками, как будто летали, или по очереди катались с этажа на этаж на кухонном лифте. Один за другим мы забирались в небольшой деревянный короб, который поднимали и опускали все остальные со скрипом веревок, проворачивавшихся на заржавевших шкивах.

Но по мере моего взросления район Хиллсборо утрачивал былой блеск, и вскоре я стала замечать лишь его недостатки, отраженные в глазах моей матери, с ее слепым преклонением перед богатством и общественным статусом. Я помнила, как она фамильярно упоминала имена знаменитостей, живших за

углом, бравируя британским акцентом, который она не утратила за десятилетия жизни в Соединенных Штатах; помню ее торжествующую улыбку, когда мы получали лучший столик в эксклюзивном ресторане.

Мой последующий отъезд в Беркли оказался идеальным противовесом от воспитания, которое я научилась презирать. Гул городской жизни обеспечивал комфорт, недоступный в нашем бывшем доме. Я купалась в многообразии городских улиц, кафе для битников и книжных магазинов, уличных торговцев и голых по пояс хиппи, самозабвенно игравших в хэки-сэк* на Спраул-Плаза. Хотя я находилась всего лишь в сорока минутах езды от своего старого дома, здесь я жила собственной жизнью.

Когда я свернула на подъездную дорожку, моего отца уже не было. Я остановилась в нескольких футах за блестящим черным «Ягуаром» моей матери, стоявшим на своем обычном месте. Вроде бы ничего не изменилось: лужайка была недавно выкошена, розовые кусты разрастались беспрепятственно. Я поднялась по кирпичному крыльцу к парадной двери, поглядывая на ряд сводчатых окон дома моего детства в поиске любых намеков на то, что меня ожидало.

Входная дверь была не заперта. Я набрала побольше воздуха, отворила ее и заглянула в гостиную, где мебель с золоченой обивкой безупречно

* Хэки-сэк, или «подбрасывание мешочка», — игра, в которой несколько участников становятся в круг и ногами отбивают тканевый мешочек, наполненный бобами. — *Прим. пер.*

сочеталась с огромным ковром ручной работы, а разнообразные произведения искусства, приобретенные матерью во время ее частых поездок в *Butterfield & Butterfield*^{*}, были стратегически размещены на антикварных столиках и в стеклянных витринных ящиках. Эта комната предназначалась для благоговения или устрашения посетителей. Но я искала лишь признаки беспорядка: сбитую диванную подушку, опрокинутую статуэтку.

На первый взгляд роскошная обстановка никак не пострадала, поэтому я осторожно вошла в коридор, проводя кончиками пальцев по ярко-белым стенам. Каждую неделю молодая женщина, почти не говорящая по-английски, часами мыла полы, драила ванные комнаты и кухню, обметала пыль во всех комнатах, уголках и закоулках, хотя ее труды редко приводили к полному удовлетворению моей матери. Когда уборщица заканчивала работу, я часто видела, как мать протирает стены тряпкой, смоченной в уксусе. Царапины и красные пятна на костяшках ее пальцев были характерными признаками того, что она ползала на четвереньках, заново оттирая пол в ванной комнате.

Я бесшумно приблизилась к двери ее комнаты и тихо постучала, втайне надеясь, что она спит.

— Джастин, это ты? — окликнула она.

Я на цыпочках вошла внутрь, ощущая знакомое чувство вины, потому что на самом деле не хочу ви-

^{*} Американский аукционный дом, основанный Уильямом Баттерфилдом в 1865 году. Сейчас входит в структуру eBay. — *Прим. пер.*

Чужое имя

деть свою мать или разговаривать с ней. В комнате стоял полумрак, но я могла различить женский силуэт сидевшей в постели. Ее ночная рубашка отражала свет, проникавший через щели в тяжелых белых занавесках.

Она держала в руках блокнот. Я сразу же узнала ее старомодный каллиграфический почерк с четкими изгибами и петельками. Было плохо видно при таком слабом свете, но я смогла различить глубокие вмятины на тонко разлинованной бумаге вместе с темными пятнами и мелкими разрывами, как будто там ломался карандашный грифель.

Она повернула блокнот ко мне, и луч утреннего солнца осветил страницу. На каждой строке виделось имя, выписанное снова и снова с одной и той же непоколебимой точностью. Я никогда раньше не слышала это имя и не услышала бы снова, пока не прошло много лет.

Дороти Сомс

Дороти Сомс

Дороти Сомс

Призраки

Я не любила свою мать, но плакала, когда она умерла.

Прошло двадцать пять лет с тех пор, как я покинула Калифорнию и начала взрослую жизнь. Общение с матерью я выстроила холодное и на расстоянии вытянутой руки, но, когда выдавалось свободное время, я приезжала ее навестить. Ее борьба с болезнью Альцгеймера была долгой, хотя ближе к концу ухудшение состояния заметно ускорилося. За несколько месяцев болезнь превратила мою мать в живой труп, мало напоминавший ту женщину, которая вырастила меня. Исчезла горделивая фигура, излучавшая нервную энергию и редко пребывавшая в покое. Она пользовалась любым праздным моментом, порхая по дому и разбирая невидимый беспорядок. Даже когда мать сидела неподвижно, расправив плечи и едва касаясь спинки стула, она сплетала и расплетала пальцы или нервно пощипывала кожу на руках, пока не появлялись кровоточащие ранки. Теперь, когда мать утратила способность говорить или двигаться, то